

Литературное обозрение

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ
ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1973 г.

8

1985

Главный редактор — Леонард ЛАВЛИНСКИЙ

Редколлегия: Вадим БАРАНОВ,
Альберт БОГДАНОВ,
Чингиз ГУСЕЙНОВ,
Сергей ДАРОНЯН,
Валерий ДЕМЕНТЬЕВ,
Игорь ДЗЕВЕРИН,
Николай ЗАДОРНОВ,
Георгий ЗЛОБИН,
Владимир ЗОЛОТАВКИН,
Игорь ЗОЛОТУССКИЙ,
Леонид ИВАНОВ,
Мухамеджан КАРАТАЕВ,
Лазиз КАЮМОВ,
Зоя КЕДРИНА,
Виталий КОРОТИЧ,
Феликс КУЗНЕЦОВ,
Валентин ОСКОЦКИЙ,
Никифор ПАШКЕВИЧ,
Владимир ПИСКУНОВ,
Тимофей ПРОКОПОВ
(ответственный секретарь),
Миколас СЛУЦКИС,
Валентин ХМАРА
(заместитель главного редактора),
Аркадий ЭЛЬЯШЕВИЧ.

В НОМЕРЕ:

Материалы под рубрикой «ЛО»
на земле Якутской» (стр. 3).

Статьи, обзоры: Атнера ХУЗАН-ГАЯ о молодой чувашской поэзии (стр. 13), Л. ВОЛОДАРСКОЙ о новых литературах Океании (стр. 18).

Роман-сказка Анатолия КИМА «Белка» — с разных точек зрения (стр. 29).

Беседа с кинорежиссером Алексеем ГЕРМАНОМ (стр. 83).

Обсуждение проблемы «Город — человек — литература» продолжает Е. ДУКОВ (стр. 91).

В «Литературном архиве» — из дневников и писем Дмитрия ГАЧЕВА (стр. 102).

личности, иногда доходящее до противоборства их нравственных потенциалов», то Залыгин ищет истоки «целостного народного организма, движущегося в противоречивом историческом потоке», в центре его внимания — «народ в условиях свободного социального выбора». Основой для рассмотрения столь разных авторов становятся их размышления об историческом времени и движении человека в нем.

К некоторым романам Вл. Воронов обращается несколько раз. Это вызвано тем, что в книге прослеживаются разные пути поиска художественной концепции мира и личности — намечены проблемы, которые еще ждут своего исследователя. Каждая глава и очерчивает то или иное «белое пятно», как бы привлекая к нему внимание: «Испытание среды», «Ситуация выбора», «Гражданственность: мера и степень».

Но чем вызвано, скажем, обращение к нравственным критериям литературы (третья глава) — разве не является эта тема наиболее изученной, осмысленной современным литературоведением?

Дело в том, что автор постоянно стремится выявить специфику именно сегодняшнего художественного сознания — начала и середины восьмидесятых годов в сопоставлении с более ранними этапами — шестидесятыми и семидесятыми годами. Именно сопоставлением, а не противопоставлением. Вл. Воронов стремится «увидеть собственный характер современного литературного процесса, понять, что он другой, а не выше или ниже», поэтому обращается к проблемам, которые иногда кажутся едва ли не решенными, стремясь обнаружить новые, сегодняшние их грани.

Книга Вл. Воронова — это взгляд современника и участника литературного процесса; и этот взгляд особенно ценен благодаря авторской позиции, направленной на выявление всего литературного богатства, которое далеко не всегда осознается во всей целостности. «Опыт показывает, — пишет исследователь, — что мы на самом деле богаче, чем это представляется во многих критических обзораах. Мы продолжаем еще судить-рядить о стилевых исказиях прозы и поэзии и нередко забываем об

идеино-художественных открытиях, стоящих за категориями стиля». В этом — пафос книги, объясняющий ее «панорамность».

Но «панорамность» объективно создает очень серьезные сложности для исследователя, преодолеть которые не всегда возможно. Возникает опасность сбиться на описание произведений, на констатацию фактов, подтверждающих многогранность литературы, так и не подойдя к выявлению внутренних закономерностей ее развития.

Некоторая перегруженность художественным материалом ведет к затушевыванию, размыванию четкой линии литературоведческого сюжета, положенного в основу книги. Совершенно неясно и неоправданно отсутствие разговора о романе Ю. Бондарева «Выбор» в главе «Ситуация выбора». А ведь без этого произведения художественная концепция современной литературы выглядит неполной. Общая же тенденция книги, напротив, состоит в том, чтобы как можно шире представить панораму литературы, еще раз обратить внимание на открытия современных писателей. Автор следующим образом определил свою цель: «Жизнь требует максимально сокращать дистанцию между двумя процессами в художественном сознании: между открытием и осмыслением, утверждением открытия. Иначе духовные ценности, объективно существующие, оттесняются в глазах современников духовными миражами». Задача сверхактуальная, поэтому и труд исследователя, широко развинувшего рамки своей работы, оправдан.

М. ГОЛУБКОВ

БИБЛИОТЕКА В. А. ЖУКОВСКОГО В ТОМСКЕ. Ч. I—II. Сборник статей. Издательство Томского университета, 1978. 1984; БИБЛИОТЕКА В. А. ЖУКОВСКОГО. Описание. Составитель В. В. Лобанов. Издательство Томского университета, 1981.

Прежде всего о том предмете, которому посвящены рецензируемые книги, — о библиотеке В. А. Жуковского в Томске.

История этой библиотеки могла бы составить «сюжет для небольшого рассказа», а может быть, и повести.

Сто с лишним лет тому назад, в 1879 году, сибирский золотопромышленник, путешественник и меценат Александр Михайлович Сибириков (известный сегодня более по названным в его честь острову в Карском море и знаменитому советскому ледоколу) купил библиотеку В. А. Жуковского у его сына за 2000 рублей. Вскоре Сибириков передал свое приобретение новооткрытыму Томскому университету.

Однако ценность библиотеки Жуковского как единого целого была понята не сразу, и поэтому даже капитальные университетские стены не оградили ее от опасности исчезновения. Точнее — от опасности растворения: есть, оказывается, такая угроза для некой суммы книг, попавшей в книжное море. Если же вспомнить, что библиотека Томского университета, одна из старейших в стране, — это целый океан, насчитывающий три миллиона томов, то можно себе представить все трудности, с которыми сопряжено было вылавливание интересующих экземпляров.

Это была кропотливая и долгая работа, опиравшаяся на систему разнообразных приемов, от сплошного просмотра фондов до обследования наводящего материала — эпистолярного, мемуарного и т. д. В результате многолетних исканий В. Лобанову и его сотрудникам удалось выявить и описать свыше 3100 томов из 4674, находившихся в распоряжении Сибирикова.

И собранные вместе, в одной комнате, книги Жуковского сегодня излучают некий эффект подлинности, свидетельствуя и о своем замечательном владельце, и о его времени (многим, видевшим эту библиотеку, вероятно, запомнился такой факт: читая книгу Г. Шуберта «Путешествие по южной Франции и по Италии», Жуковский делал пометы на полях, обломил карандаш и захлопнул книгу. Карандаш этот сохранился до наших дней между страницами 376 и 377. Живой штрих, который сильнее иных пространных рассуждений, дает почувствовать «связь времен»...).

Однако ценность библиотеки Жуковского объясняется не только ее составом, но и количеством и характером содержащихся в книгах помет. И это не только бесчисленные под-

черкивания, условные значки, но и развернутые маргиналии, подстрочные переводы, фрагменты новых произведений, дневниковые записи на полях, форзацах и обложках, авторская и редакторская правка и т. д. Огромное творческое богатство! Все это и определило новизну жанра настоящего труда, о чем следует сказать специально.

Роль личной библиотеки в понимании творческой судьбы писателя оценена сравнительно давно. А. В. Дружинин еще в 1855 году в статье «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» упрекал издателя П. В. Анненкова в недостаточном внимании к читательским интересам великого поэта. «Библиотека Пушкина не смогла пропасть без следа. Сведения о любимых книгах Александра Сергеевича, изложение его заметок со временем будут собраны — в этом мы твердо уверены. Странно подумать, что мы можем по месяцам проследить за ходом чтения англичанина Соути и знаем так мало о том, что читал и любил читать поэт, которым гордится наше отчество».

Спустя полвека с небольшим эта мечта осуществилась — Б. Л. Модзальевский издал книгу «Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание» (СПб., 1910). Затем появились труды: С. Балухатый «Библиотека Чехова» (в книге «Чехов и его среда». Л., 1930), «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание» (М., «Книга», тт. 1, 2, 1975—1978), «Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание в двух книгах» (М., «Наука», 1981)...

Сложился и более или менее устойчивый тип подобного издания. Это обычно вступительная статья, характеризующая читательские интересы писателя; затем подробное библиографическое описание всей библиотеки по разделам и жанрам, с указанием помет владельца, а иногда и характера обращения к книге, ее отражения в творчестве; и в заключение — справочный аппарат.

Но данный труд предлагает нам нечто иное, большее. Благодаря объему и характеру маргиналий удалось построить книги проблемно. Перед нами не анализ библиотеки, но опирающийся на библиотеку ана-

лиз творческой эволюции писателя. Книжное собрание приобретает при таком подходе роль ценнейшего первоисточника, позволяющего открыть неизвестное или же осветить известное новым светом. На наших глазах складывается новый тип монографии, так сказать, с глубокой библиографической подкладкой.

Вот только несколько новых идей из множества содержащихся в труде.

Во всех изданиях Жуковского его стихотворение «Сид» комментируется как переложение одноименного произведения Гердера. В рецензируемом труде на основе внимательного анализа множества источников выдвигут тезис о том, что это «самостоятельное произведение русского поэта, созданное на основе подлинных испанских романсов».

Исключительно в широкой предстает картина философских и эстетических занятий Жуковского. Писатель, которого нередко упрекали в политической и общественной индифферентности, глубоко изучал французских энциклопедистов, Кондильяка и Руссо, прорабатывал «Опыт теории налогов» Н. Тургенева, не говоря уже о сочинениях немецких философов.

А вот записи, обнаруженные на обложке тома И. Я. Энгеля «Ideen zu einer Mimik» («Мысли о мимике»): «Вторник. Среда — Читать Радищева». «Воскресенье. Понедельник — выписки из Радищева». Факт чтения Жуковским Радищева «может дать импульс для дальнейших изысканий», — справедливо полагают авторы труда.

И все эти крупные или мелкие наблюдения и выводы складываются в общую принципиальную картину: «Библиотека поэта, свидетельница его духовного и творческого пути, его общественных и нравственно-этических раздумий, решительно изменяет представление о Жуковском как о пассивном, созерцательном или, что совсем плохо, консервативном романтике. Напротив, именно с Жуковского (и в определенной мере с Карамзина) начинается в литературе XIX в. блестящая плеяда классиков — дворянских просветителей, отличающихся подлинным универсализмом мышления...».

Изучение библиотеки Жуковского нуждалось в специалистах, обладающих (как сегодня

говорят) системным подходом, то есть сведущих в тех многочисленных и разнообразных сферах знания, которые отвечают универсализму Жуковского. И такими специалистами явились (или, может быть, точнее сказать — стали в процессе многолетней работы) сотрудники Томского университета: Э. М. Жилякова, В. М. Костин, О. Б. Лебедева, Н. Е. Разумова, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич во главе с руководителем авторского коллектива — известным литературоведом, профессором Ф. З. Кануновой.

Разумеется, критически оценить каждое положение труда здесь невозможно — это дело специальных разборов. Хотелось лишь обратить внимание на его принципиальное значение — на новизну жанра, на замечательное богатство содержания, что делает этот труд важным для многих и многих читателей. И не только тех, кто интересуется Жуковским.

Эпитет «фундаментальный» в сегодняшнем словоупотреблении равнозначен понятиям «широкий», «основательный», «масштабный». Но, помимо этих качеств, у него есть и прямой смысл — служить фундаментом для последующих изысканий. И нет сомнения, что настоящий издание, счастливо объединяющее оба указанных значения, станет неотъемлемым фундаментом дальнейшего изучения русской литературы и культуры первой половины прошлого века.

Ю. МАНН

ШУБЛИЦИСТИКА

Виталий МЕНЬШИКОВ. — БУМЕРАНГ ОПЕРАЦИИ «ПРЕЗИДЕНТ». Серия «По ту сторону». М., «Советская Россия», 1984.

Кипр — остров прекрасной Афродиты, великолепная жемчужина в лазури южного моря — не зря был избран богами в древние времена. Однако сегодня боги, даже такие воинственные, как Афина Паллада и Арес, изгнаны отсюда «добротными рыцарями» ЦРУ и солдатами НАТО. Остров объявлен «зоной жизненно важных интересов», стал «непотопляемым авиансцем» «славной» флотилии Североат-